

3. Белоцерковская И. В. Некоторые черты погребального обряда курганов Смоленской земли XI—XII вв.— В кн.: Проблемы истории СССР. М., 1976, вып. V.
4. Спицын А. А. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева.— ИАК, 1905, вып. 15.
5. Авдусин Д. А. Отчет о раскопках в Гнёздове в 1957—1961 гг.— МИСО, вып. VII. Смоленск: Московский рабочий, 1970.
6. Лялушкин И. И. Новое в изучении Гнёздова.— АО — 1967. М., 1968.
7. Пушкина Т. А. Гнездовское поселение в истории Смоленского Поднепровья (IX—XI вв.). Автореф. канд. дис. М.: Кафедра археологии МГУ, 1974.
8. Повесть временных лет. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1950, ч. I, II.
9. Авдусин Д. А. Скандинавские погребения в Гнёздове. Вестн. МГУ. Сер. истор., 1974, № 1.
10. Моора Х. А. Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии.— В кн.: Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин: Эстгосиздат, 1956.
11. Седов В. В. Новгородские сопки.— САИ, вып. Е1-8, М., 1970.
12. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
13. Седов В. В. Длинные курганы кривичей.— САИ, вып. Е1-8, М., 1974.
14. Краснов Ю. А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. М.: Наука, 1971.
15. Розенфельдт И. Г. Керамика дьяковской культуры.— В кн.: Дьяковская культура. М.: Наука, 1974.
16. Седов В. В. Гидронимические пласты и археологические культуры центра.— В кн.: Топонимия Центральной России. М.: Мысль, 1974.
17. Ярославское Поволжье X—XI вв. М.: Советская Россия, 1963.
18. Дубов И. В. Новые раскопки Тимеревского могильника.— КСИА АН СССР, 1976, № 146.
19. Мавродин В. В. О племенных княжениях восточных славян.— В кн.: Исследования по социально-политической истории России. Л.: Наука, 1971.
20. Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973.
21. Леонтьев А. Е. «Город Александра Поповича» в окрестностях Ростова Великого.— Вестн. МГУ. Сер. истор., 1974, № 3.
22. Мейнандр Карл Ф. Бярмы.— В кн.: Финно-угры и славяне. М.: Наука, 1979.
23. Воронин Н. Н. Медвежий культ в Верхнем Поволжье XI в.— Краеведческие записки. Ярославль, 1960, вып. IV.
24. Мальм В. А. Изделия ювелирно-литейного производства.— В кн.: Ярославское Поволжье X—XI вв. М.: Наука, 1963.
25. Рябинин Е. А. Финно-угорские элементы в культуре Северной Руси X—XI вв. Автореф. канд. дис. Л.: ЛОИА АН СССР, 1974.

Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси IX—XI вв. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978, 147 с., тираж 5485 экз.

Даже беглый просмотр рецензируемой книги убеждает в том, что она представляет собой нечто более значительное, нежели просто сводку археологического материала, объединенного территориально-хронологическим единством, как это могло показаться по ее названию. Правда, сами авторы уклонились от четкого определения задач, стоявших перед ними. Все же, вероятно, не будет большой натяжкой считать, что книга была задумана как один из этапов в осуществлении той стоящей перед отечественными археологами задачи, которая во «Введении» формулируется следующим образом: «К настоящему времени советские ученые раскрыли внутренние предпосылки и закономерности образования Древнерусского государства. Однако изучение этого процесса в этнически сложной среде северных русских земель требует не только детального анализа наиболее ярких археологических объектов, но прежде всего создания широкой и связанной системы представлений, включающей всю совокупность древностей лесной зоны и сопоставимой с картиной развития славянского мира в лесостепи VIII—IX вв.» (курсив наш — И. Ш., Д. М.)

Археологический материал, рассматриваемый в книге, относится к промежутку времени с VI по XIII в., однако особое внимание уделяется анализу тех кардинальных изменений социально-экономического характера, которые наиболее ярко прослеживаются в некоторых узловых центрах, расположенных на речных путях Восточной Европы, где возникают особого типа ремесленно-торговые поселения и сопутствующие им могильники, существующие как самостоятельные и своеобразные организмы с конца VIII по начало XI в. По археологическим данным, впервые суммированным в настоящем исследовании, эти изменения, начинающие собой период формирования древнерусской государственности, прослеживаются в Ладоге и ее окрестностях с конца VIII — начала IX в., в Ярославском Поволжье, районах Новгорода и Смоленска — со второй половины IX в., в Киеве, Чернигове и их окрестностях — с начала X в.

Специальное и пристальное рассмотрение социально-экономического и этнокультурного аспектов процесса сложения древнерусской государственности является несомненной заслугой авторов книги. При этом узловые для понимания сути происходящих изменений памятники рассматриваются не только сами по себе, но и в связи с тщательно, хотя и обобщенно проанализированным иным археологическим материалом, образующим как бы фон и обстановку того исторического «действия», на котором сосредоточено главное внимание. В отдельных главах анализ массового археологического материала даже выходит на первый план (глава III. Северо-Запад).

Следует отметить тщательность и осторожность, плодотворно сочетающиеся со смелостью и новизной, при рассмотрении ряда традиционных и вновь поставленных «трудных проблем» изучаемой эпохи.

Авторы не боятся отчетливо провести границы наших знаний на современном этапе и выявить в них зияющие лакуны, оконтуривание которых весьма своевременно. Так, в работе (на карте и в тексте) выявлены обширные регионы, явно заселенные (по данным смежных дисциплин) в интересующий период по преимуществу славяноязычным населением, которые, однако, либо лишены археологических памятников этой поры, либо обнаруженные здесь археологические объекты малочисленны и не объединяются в отчетливые «культуры». Внешняя неяркость «сельской» славянской культуры лесной зоны приводит к тому, что «зоны археологической трудноуловимости» занимают довольно обширные пространства с VIII по XIII в. «Долги» наших археологов перед отечественной историей обнажаются в итоге весьма явственно.

Исследователям удалось выявить две отчетливые «волны» серьезных перемен в жизни восточнославянского населения лесной зоны, предшествующие окончательному оформлению Древнерусского государства. Особенно хорошо эти «волны» выявлены на территории Смоленщины (глава II).

Первая «волна» прокатывается около рубежа VII–VIII вв. и в первой половине VIII в. и связана с возникновением тех «курганных» культур, которые позднее «врастают» в процесс сложения древнерусской государственности. Эта эпоха характеризуется серьезными перемещениями населения и далеко распространяющимися культурными импульсами, идущими в двух направлениях: с запада на восток (распространение носителей культуры смоленских длинных курганов, вероятно, славянизирующихся балтов) и с юга на север (появление на Волхове носителей культуры сопкок, — возможно, смешанного балто-финно-славянского населения)¹. В это же время в лесной зоне появляются и немногочисленные памятники «чистых славян», продвигающихся с юга и запада. Любопытно отметить, что и движение неславянского или же «балтославянского» населения (культура смоленских длинных курганов и волховские сопки) совпадает по направлению с движением славян при их расселении по восточноевропейской равнине, как оно намечено в «Повести временных лет», являясь, вероятно, частью единого миграционного процесса.

Вторая, хронологически последующая «волна решающих изменений» прокатывается с севера на юг, от Приладожья до лесостепи, между концом VIII в. (Ладога) и началом X в. (Киев, Чернигов) и связана со включением живущего на этой территории населения в широкую систему экономических и культурных «международных» связей между Арабским халифатом и Хазарским каганатом, с одной стороны, западноевропейским миром (представленным на раннем этапе, в основном, скандинавами), с другой стороны, и с Византией — с третьей. Этот хронологически выявляемый рубеж примерно соответствует известному по «Повести временных лет» периоду «варяжской» и «хазарской» дани, с последующим освобождением славянских племен от нее и организацией первых походов на Византию и Каспийское море.

Несомненной заслугой авторов является выделение ими особой категории «протогородских» центров, родственных скандинавским «викам» и возникающих в результате определенных внутренних социально-экономических процессов и внешних связей. Авторы называют эти центры открытыми торгово-ремесленными поселениями и причисляют к ним Ладогу, Рюриково городище, Тимерево, Гнёздово. Авторы не ставят вопроса о том, к какой категории «протогородских» центров относятся поселения и могильники на Лысой Горе в Киеве и в Шестовицах, однако сопостав-

¹ Весьма важно, что авторы отказались от долго существовавшего мнения, согласно которому длинные курганы безоговорочно приписывались балтам, а сопки — словенам, и, учитывая данные новейших исследований, говорят о сложном и во многом еще неясном происхождении этих памятников.

ление последних с северными открытыми торгово-ремесленными поселениями напрашивается само собой. Выделение особой категории социально-экономических организмов, характерных именно для изучаемой эпохи, исчезающих или перерождающихся впоследствии, следует признать весьма плодотворным.

Тщательный анализ материала приводит авторов к созданию такой картины возникновения Древнерусского государства, в которой, при несомненной «славянской основе» протекающих процессов, значительную роль играют различные «черты интернационализма», проявляющиеся на различных уровнях. К ним относятся и более явственное выявление балтийского и финского этнических субстратов, игравших наряду со славянским большую роль в сложении древнерусской народности. Отметим в связи с этим наблюдение о большой роли «чуждого элемента» в формировании культуры псковских длинных курганов. Сюда же причислим и углубление представлений о большой роли сквозных путей, связавших Восток и Запад в конце VII—IX вв. и проходивших по территории Древней Руси.

Наконец, весь приведенный в книге материал говорит и об известной «политничности» той формирующейся раннегосударственной надплеменной аристократии, которая концентрировалась возле таких центров, как Новгород, Смоленск, Киев. Особенно в этом отношении показательны результаты изучения Тимеревского поселения и других археологических памятников Ярославского Поволжья И. В. Дубовым, где и погребальные комплексы, и рунические надписи на монетах определенно говорят о существенной роли скандинавского компонента в тех процессах, которые во второй половине IX — начале X в. приводят к сложению государственных организмов в среде восточнославянского и соседствующего с ним балтского и финского населения.

Выявление подобных «интернациональных» субстратов, связей и компонентов еще более подчеркивает мощь и жизненность того славянского «ствола», который сумел впитать различные «питательные соки» и принять некоторые «прививки», переработав все это в единый и своеобразный организм древнерусской государственности и народности.

Хорошо, что авторы сосредоточили свое внимание на материалах IX—XI вв. и не стали глубоко вдаваться в предысторию этой важнейшей исторической эпохи, не стали углубляться в освещение сложной и вызывающей острейшие дискуссии проблемы происхождения восточнославянских племен и их развития в VI—VII вв.²

Будучи специалистами по археологии северной половины восточнославянских земель, именно этой территории авторы уделили основное внимание. Среднее Поднепровье освещается довольно бегло (и то главным образом полянская земля с Киевом). Совсем кратко охарактеризован Чернигов и Вышгород, для других южнорусских городов не нашлось места; не освещены Галицко-Волынская земля, Тмутаракань, Саркел.

Значительно более подробно представлена в книге археология Смоленской земли и ее древнего центра — Гнёздова, глубоко и на основе новейших данных охарактеризован такой важнейший памятник, как Гнездовский могильник. Однако, к сожалению, в главе не изложена давно волнующая ученых дискуссия по вопросу о том, где возник и находился древнейший Смоленск — на месте современного города или в Гнездове; не отмечен даже имеющий решающее значение для этой проблемы факт отсутствия на территории Смоленска культурного слоя IX—X и начала XI в.

Новым и заслуживающим серьезного внимания является мнение авторов об ошибочности традиционного представления о принадлежности славянского населения Псковской земли к племени кривичей. Авторами показано, что и письменные, археологические данные, поддерживавшие традиционное мнение, при ближайшем рассмотрении оказываются не очень убедительными. Поставленный вопрос требует специального исследования³.

² К сожалению, авторы не всегда точно излагают мнения отдельных ученых по данной проблематике: так, на с. 85 неточно изложена точка зрения Д. А. Мачинского. В действительности, он отнюдь не утверждает, что «славяне в лесной зоне появляются не ранее конца VII, а скорее в VIII в.», а наоборот, считает лесную зону Восточной Европы «прародиной» славяноязычного населения, полагая, что лишь севернее Западной Двины и восточнее бассейна Десны исторические славяне впервые появились не ранее конца VII в.

³ Тут же отметим, что, к сожалению, авторы в двух местах книги (с. 77, 80) высказались в пользу давней гипотезы, согласно которой славянское население северо-запада Руси будто бы переселилось по морю из западнославянского Поморья. Гипоте-

Особенно удачными представляются разделы, посвященные Приладожью и бассейну Волхова. Здесь авторы успешно обобщили результаты произведенных в последние 15–20 лет многочисленных исследований советских археологов, занимающихся данной проблематикой. Интересна попытка на основе археологических данных наметить «первоначальную племенную территорию словен ильменских — ядро и основу государственной территории Новгорода» (с. 81). Отметим лишь, что вряд ли стоило столь решительно отрицать (с. 99) принадлежность племени весь обширной курганной культуры юго-восточного Приладожья. Подобная атрибуция давно принята большинством ученых (Н. Е. Бранденбург, Н. И. Репников, Я. В. Станкевич, В. В. Пименов, И. П. Шаскольский, С. И. Кочкурина) и подкрепляется данными топонимики: несогласие с общепринятым мнением требовало основательной аргументации (для которой у авторов не хватило места).

К числу недостатков книги надо отнести отсутствие необходимых в каждом археологическом исследовании иллюстраций, таблиц, малое число (одна!) карт; правда, это вина не авторов, а издательства Ленинградского университета, оказавшегося не в состоянии издать книгу на достаточно высоком полиграфическом уровне. Следует также отметить известную разностильность отдельных глав, разную степень глубины освещения материала в главах.

Очень важная для понимания рассматриваемой авторами эпохи и ее археологических памятников норманская проблема освещена с достаточной долей объективности, с учетом новых находок и исследований. Однако авторам следовало указать, что между советскими и зарубежными буржуазными учеными уже в течение десятилетий существует острая дискуссия по вопросу о значении скандинавских археологических находок на Руси, следовало вкратце рассказать о сущности норманизма в археологии и дать его критическую оценку.

Не слишком убедительна гипотеза, согласно которой древнее киевское поселение на Лысой Горе и связываемый с ним могильник отождествляются авторами с загадочным Самватом (Самватасом), киевской крепостью, упоминаемой Константином Багрянородным; доказать точное местонахождение Самвата на территории древнего Киева вряд ли когда-нибудь удастся из-за скудости сведений в источниках.

Интересная гипотеза о существовании «открытых торгово-ремесленных поселений» как протогородов восточнославянской земли нуждается в коррективах. Вряд ли все поселения этого рода окажутся «открытыми» — ведь на одном из них, подробно исследованном И. В. Дубовым Тимеревском поселении, уже обнаружено укрепление (мощный частокол), окружавшее его древнейшую часть (с. 120). Возможно, подобные укрепления были и на других поселениях, не говоря уже о родственных им южнорусских поселениях — городищах на Лысой Горе и в Шестовицах. Кроме того, хотелось бы, чтобы в названии подобных объектов как-то было отражено их административное и военное значение, которое явственно вырисовывается из всей суммы археологических и письменных данных. Думается, что жители этих торгово-ремесленных поселений были в первую очередь причастны к тому вооруженному насилию, которое являлось «повивальной бабкой истории».

Хотелось бы, чтобы авторы были более осторожны в утверждениях вроде: «В середине X в. обозначился новый этап древнерусской дружины. Выделяется в качестве основной боевой силы конное войско» (курсив наш. — *И. Ш., Д. М.*). Конное войско отнюдь не было основной боевой силой еще около 970 г., как это явствует из описания войны Святослава с греками у Льва Диакова и в «Повести временных лет». Кони стали постоянным средством передвижения княжеской дружины (наряду с ладьями), но бой русские предпочитали вести по-прежнему пешими.

Однако подобные и некоторые другие замечания не умаляют значения большого, полезного и своевременного труда, проделанного тремя ленинградскими учеными.

Представляется, что основная стоявшая перед ними задача выполнена. Сделан один из первых шагов на пути качественно нового, широкого и углубленного изучения археологического материала IX–XI вв., что в сочетании с углубленным изучением исторических и лингвистических данных позволит в ближайшем будущем нарисовать еще более подробную и достоверную картину важного в истории нашей страны этапа, который носит название «возникновение древнерусской государственности и народности».

Д. А. Мачинский, И. П. Шаскольский

за эта, отстаиваемая всерьез в последние десятилетия лишь одним В. Б. Вилинбаховым, базируется на немногих, совсем случайных языковых и археологических аргументах и не может приниматься всерьез.